

3. "Просунуті", де є позитивна мотивованість вивчення іноземної мови, сформованість навчальних умінь, цілеспрямованість, вирішення запропонованих викладачем завдань конструктивно-варіативного плану);

4. Творча група - характеризується всіма позитивними всіх чотирьох груп рисами дій (уміння вирішувати навчальні завдання на творчо-пошуковому рівні з умінням самостійно організувати свою діяльність поза контролем викладача).

УДК 801.8: 82.03 (07)

МАКРОСТРУКТУРНИЙ УРОВЕНЬ В ОБУЧЕНИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Фоменко Е.Г., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Интерпретация текста является сквозным предметом филологического цикла, в котором активизируются знания, полученные в разных теоретических дисциплинах. Обучение основам интерпретации ведется поэтапно, поскольку студентам необходимо выйти на определенный уровень языковой подготовки, достичь беглости чтения на английском языке, развить художественную интуицию и овладеть культурным багажом, открывающим доступ к целенаправленному прочтению англоязычной литературы. На продвинутых ступенях обучения интерпретация является конечной целью лингвостилистического анализа целого художественного произведения или его фрагмента [1: 50].

Опыт преподавания интерпретации текста в Запорожском государственном университете показывает, что студенты, свободно владеющие английским языком, далеко не всегда воспринимают художественность текста. Трудности, которые им приходится преодолевать, носят вполне объективный характер. Во-первых, интеракция с иноязычным текстом проходит в иных условиях, чем интеракция с текстом на родном языке. То, что понимается носителем языка как данное, не требующее экспликации, может оставаться вне поля зрения носителя иного языка и культуры. Во-вторых, не носитель языка находится под влиянием культурных стереотипов, мешающих восприятию литературного произведения, написанного в канонах и понятиях другой культуры. Наконец, конструирование информационного пространства текста не идет линейно от слова к слову и от предложения к предложению, а основывается на целенаправленной ментальной репрезентации текстовых структур. Обращает на себя внимание тот факт, что, упрощая стоящие перед ними задачи, студенты предпочитают подменять интерпретацию пересказом сюжетной линии, «украшая» его вырванными из текста, часто механически перечисленными, стилистическими приемами. Статичный характер интерпретации, к сожалению, преобладает. Анализ ответов, в том числе на государственных экзаменах, показывает, что студенты не мыслят категориями текста. Они ориентированы на микротекст, что препятствует реализации принципа целостности восприятия художественного произведения [2: 157]. Процессы текстовой интеграции, в которые широко вовлекаются стилистические приемы, практически не принимаются во внимание.

Целый ряд причин тормозит обучение интерпретации текста. Во-первых, традиционная ориентация на грамматику предложения затрудняет понимание функционирования грамматических конструкций с позиции грамматики текста. Во-вторых, у обучаемых слабо развито понимание текста как организованной семантической протяженности: от них ускользают смысловые наслоения слов, семантические сближения словарно отдаленных лексем, скрытый смысл повторов. Из-за фрагментарного освоения семантического пространства текста концептуальная сеть произведения остается не выстроенной. В-третьих, интерпретационные действия не продумываются в последовательности, диктуемой интерпретируемым текстом. Отсутствие мотивированной интеракции с текстом мешает овладению интерпретацией как процессом, который «сводится к скрупулезным поискам средств выражения концепта, концентрирующих в себе результаты авторского усвоения действительности и пропагандирования их читателю» [3: 75]. Вышесказанное позволяет заключить, что учебная интерпретация текста формирует особый вид компетенции, помогающей активному чтению и реконструированию текста как избирательной, т.е. целенаправленной, интерпретации. Владение *дискурсивной компетенцией* означает освоение потенциала текстовых структур как организованного текстового, интертекстуального и межкультурного знания.

Современная интерпретация текста отличается выраженным междисциплинарным характером. Она, прежде всего, синтезирует достижения целого ряда наук, среди них герменевтика, семиотика, лингвистика текста, литературоведение, когнитивная теория и прагматика, в которых природа текста изучается в разных аспектах и направлениях. Кроме того, интерпретация художественного текста не может оставаться в стороне от мощного развертывания теории коммуникации, составной частью которой является художественная коммуникация [4: 337]. Открывающиеся горизонты не противостоят традициям отечественной школы, а, наоборот, способствуют развитию филолого-гуманитарного мышления (М. Бахтин) как целостного понимания создаваемых текстом возможных миров.

Следует подчеркнуть, что методология обучения интерпретации иноязычного текста на том же языке имеет отличия от его интерпретации на родном языке. С одной стороны, познавательная деятельность интерпретатора направлена на освоение художественного текста, а с другой стороны, этой деятельностью порождается новый, нехудожественный текст. При этом концептуальная сеть интерпретируемого текста совпадает с понятиями, с помощью которых строится интерпретационный текст. Реконструкция концептуальной сети является результатом моделирования глобального содержания художественного текста. Она открывает доступ к многоканальности текста, в котором сосуществуют разные перспективы. Ядерная перспектива, выводящая на концепт текста, моделируется на макроструктурном уровне.

2. МАКРОСТРУКТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Стратегии и схемы составляют основу гипотетической интерпретации художественного текста [5: 20]. Лингвистическое моделирование ведет к познанию универсальной организации определенных типов дискурса, объясняет художественность текстов с учетом их структуры, развивает языковую деятельность и показывает путь к обработке как художественных, так и нехудожественных текстов [6: 111].

Моделирование повествовательных текстов имеет давнюю традицию, начало которой положено выдающимся русским филологом В.Я. Проппом [7]. Его идеи получили развитие в повествовательной грамматике, в которой линейное развертывание текста рассматривается в свете денотативных отношений [8: 30-31]. Несмотря на то, что схемы варьируются, ряд пропповских категорий в них остается. Выделяются новые категории, среди них - «событие» и «эпизод». Они совпадают терминологически, но могут наполняться разным содержанием. Например, в модели Принса «событие» является составляющей минимальной истории. В модели Румелхарта «событие» подчиняется «эпизоду», а в модели басни Мандлера и Джонсона «эпизоды» управляются «событием» [9]. Разнобой в схематизации основных категорий объясняется их безразличием к семантической структуре текста.

Если в повествовательной грамматике господствовали линейные структуры построения простейших историй, то после ван Дейка и Кинча стали доминировать иерархические модели. Макроструктурная модель Дейка-Кинча является продуктом осознанного понимания текста. Она строится в конвенциональных повествовательных категориях, которым приписывается макроструктура. Базовые категории «вводка», «сцена», «событие» и «оценка» обобщаются в категориях более высокого уровня. Вершину макроструктуры образует тема, т.е. обобщенное содержание текста. Ван Дейк и Кинч считают, что для каждого типа текста можно выявить универсальную модель. По их мнению, повествовательные тексты строятся суперструктурной схемой. На эту схему накладывается макроструктура, которая является кратчайшим путем к теме текста [5: 215].

Для реконструкции текста важно знание модели и использование этого знания в ходе его понимания. Макроструктурная модель реализует потребности читателя в ориентировке. Она нацеливает на активное восприятие, в котором распознаваемые авторские сигналы являются ключом к тематическому полю и концепту текста.

Прежде всего, следует отдать себе отчет в том, что, приписывая макроструктуру, мы выбираем главную перспективу, образующую концептуальную сеть текста. Благодаря макроструктурной реконструкции, заложенная в тексте информация функционально организуется и одновременно редуцируется. Содержание текста предстает в виде глобального действия, которое снимает конфликт и получает внешнюю и внутреннюю оценку. В процессе построения макроструктуры обучаемый применяет макроправила опущения, обобщения и построения. Ментальные репрезентации текста образуют последовательность иерархических обобщений, через которые выявляется глобальное содержание текста. В результате «последовательность пропозиций организуется уже не только на локальном уровне посредством линейных отношений связности, но также и на более высоком уровне концептуальных единиц» [4: 43]. В макроструктуре систематизируются авторские ключи и их текстовые значения. Обнаруживаемые стилистические приемы включаются в общую систему и интерпретируются вместе с ней.

Следует подчеркнуть, что модель Дейка-Кинча еще не внедрена в методику преподавания интерпретации текста. В работах зарубежных методистов применяется модель Вильяма Лабова, разработанная почти

три десятилетия назад. В ее составе шесть компонентов: резюме (abstract), ориентация, осложнение, оценка, разрешение и кода. Одни компоненты облигаторные, другие факультативные. Резюме, факультативный компонент, содержит ядро истории. Ориентация идентифицирует время, место, участников действия и ситуацию. Осложнение есть собственно повествование, которое комментируется в оценке. Разрешение снимает осложнение, а кода завершает рассказанную историю. Сведение истории к набору компонентов дает толчок для предсказания смысла. Например, учитель прерывает чтение текста в ключевых моментах развертывания истории и предлагает обучаемым предвосхитить дальнейший поворот событий [6: 120-121]. Однако многое зависит от того, насколько верно определяются эти моменты учителем и на каких основаниях они выделяются. На наш взгляд, модель Лабова эффективна при обучении активному чтению, нацеленному на понимание сюжета. Однако для целей интерпретации текста она непригодна. В ней нет четкого ориентира, обеспечивающего вход в многоканальность семантического пространства текста. Она в значительной степени субъективна. Преимущество модели Дейка-Кинча, по сравнению с моделью Лабова, состоит в том, что она строится на принципе целостного охвата содержания текста. Как подчеркивают Дейк и Кинч, интерпретация определенных единиц должна осуществляться в терминах интерпретации их составляющих частей [5: 42].

3. ЭТАПЫ МАКРОСТРУКТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Макроструктурная интеракция с текстом строится тремя этапами. На первом этапе макроструктурное реконструирование содержания текста является результатом индивидуальной интеракции. Мы выделяем следующие интерпретационные шаги:

1. Интуитивное восприятие текста и предсказание смысла в виде гипотез, намечающих интерпретационные перспективы.
2. Выведение базовых повествовательных категорий «вводки», «сцены», «события» и «интерпретации» проверяется по авторским ключам, которые участвуют в вербальной актуализации данных категорий.
3. Обобщение «события» и «интерпретации» в «опыте»; вычленение тематического поля текста; проверка смысловых опор, вербализующих макропропозиции, на их вхождение в те же синонимические ряды, что и авторские ключи.
4. Обобщение «сцены» и «опыта» в «эпизоде»; продолжение вычленения тематического поля текста; проверка смысловых опор в «опыте» на вхождение в идентичное смысловое пространство со смысловыми опорами «сцены»; проверка концептуальной сети в макропропозициях, иерархически составляющих «эпизод».
5. Обобщение «эпизода» и «коды» в «повествовательной структуре»; выведение «повествовательной структуры» в понятиях концептуальной сети.
6. Обобщение «вводки» и «повествовательной структуры» в «событии рассказывания истории» и формулировка глобальной темы текста.
7. Завершение приписывания макроструктуры суперструктурной схеме текста и формулировка концепта текста.
8. Составление гипотезы о перспективах интерпретации текста; определение ядра тематического поля и его периферии.
9. Приведение единиц тематического поля в соответствие с повествовательными категориями, в которые они входят.
10. Проекция темы и концепта в заголовок текста с целью определения частей макроструктуры, в которые он включается.

Второй этап предполагает кооперативную интеракцию с текстом. Участники группы обсуждают собственные выводы о глобальном содержании текста и договариваются о ядерной перспективе, в которой будет вестись интерпретация. Спорные моменты, по возможности, снимаются. Используются следующие интерпретационные шаги:

1. Взвешивание интерпретационных ограничений в групповом обсуждении индивидуально реконструированных макроструктур; снятие многоканальности интерпретации за счет договора в отношении макроструктуры, принимаемой участниками группы.
2. Групповое обсуждение глобальной темы и выведение ее договорного смысла.
3. Выведение ядерной перспективы.

4. Групповой вывод о макропропозиции, приписываемой категории «вводка», проверка правильности выведения ядерной перспективы через «вводку» как недостачи по отношению к бинарной категории «повествовательная структура».
5. Групповой вывод о проекции заголовка в макроструктуру, тематическое поле и концепт текста; проверка правильности выведения ядерной перспективы через заголовок текста;
6. Групповой вывод об участии стилистических приемов лексического, синтаксического и лексико-синтаксического уровней в ядерной перспективе; проверка правильности выведения ядерной перспективы через концентрацию стилистических приемов в узловых моментах развертывания содержания текста.
7. Включение персонажей в ядерную перспективу (персонализация).
8. Рассмотрение конфликта в ядерной перспективе.
9. Гипотезирование о перспективах текста, являющихся периферийными по отношению к ядерной перспективе.

На третьем, заключительном этапе, имеет место индивидуальная интерпретация ядерной перспективы в виде устного сообщения или письменной интерпретации:

- 1) составляется план изложения ядерной перспективы;
- 2) отбираются понятия, ключевые для интерпретационного текста;
- 3) репрезентируется связный интерпретационный текст.

4. МАКРОСТРУКТУРНАЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Концептуальность художественного текста динамична по природе. Она извлекается из линейной последовательности знаковых цепочек, в виде сквозных повторяющихся элементов, осложненных смысловыми наслоениями. Как текстовая структура, составленная на макроструктурном уровне переименованиями персонажей, персонализация является основой для типизации персонажа. Персонализирующие элементы интерпретируются в ядерной перспективе. Методика построения макроструктурной персонализации описывается ниже на материале рассказа Дж. Джойса «Сестры», открывающего цикл «Дублинцы» [10].

Начальной процедурой является выведение номинативной цепочки, которая представляет собой линейную последовательность переименований персонажа на протяжении всего рассказа. Выписываются все наименования, независимо от того, служат ли они связности внутри предложения или между ними. Такое сквозное выстраивание номинативной цепочки необходимо для учета всех обозначений, функциональная значимость которых может стать ясной только при дальнейшей обработке материала. Затем выписанные элементы номинативной цепочки подразделяются на фрагменты, входящие в повествовательную категорию. Каждый элемент фрагмента проецируется на макропропозицию, которая приписывается данной повествовательной категории. Включение элемента в персонализацию зависит от его значимости для построения макроструктурного уровня. Сравнение повествовательных категорий позволяет выявить направление персонализации, а также определить тематическое поле, в котором она происходит. По персонализирующим элементам устанавливаются линии пересечения одного персонажа с другим.

В повествовательной категории «основание», где прослеживаются основные линии рассказа, главный персонаж «Сестер», священник Флинн, обозначен личным местоимением *he* и словосочетанием с присубстантивным притяжательным местоимением *his* (*his words*). В этом фрагменте цепочки других уточняющих элементов нет, однако информативно значимыми оказываются лексические единицы *the word paralysis* и *the third stroke*. Они указывают на персонаж, обозначенный *he*, но, в отличие от словосочетания *his words*, притяжательным местоимением не сопровождаются. Из окружения, в котором формируется тематическое поле «паралича», можно вывести макропропозицию «THE PARALYTIC (=he)WOULD DIE (*his words*) AFTER HIS THIRD STROKE», проведя операцию замены *paralysis* на агента действия, а в словосочетание *the third stroke* введя уточняющее *his*. Намечаются две линии персонализации: некто парализован, он в дружеских отношениях с рассказчиком. В персонализирующую сетку также войдет элемент, который выводится из *his words* и актуализируется в подчеркнуто отстраненном от конкретного персонажа словосочетании *the third stroke: his* (повторяемое упоминание о «некто») + *third stroke* (удар, смертельно опасный) = *his third stroke* (упоминаемый персонаж обречен). Таким образом, персонализирующий элемент извлекается не только из фрагмента номинативной цепочки, но и из тематического поля «паралича»: *its deadly work = third stroke, his words = the word paralysis/he, the third stroke = his third stroke*.

Аналогичным образом рассматриваются обозначения персонажа в последующих повествовательных категориях. В «сцене», где мальчик узнает о смерти Флинна, персонаж называется именем собственным Flynn, указывается его социальная принадлежность (Father Flynn), устанавливаются отношения между рассказчиком и умершим параликом (old friend). Обращает на себя внимание номинация his soul, которая упоминается ритуально (God have mercy on his soul). Из «сцены» можно вывести макропропозицию «ИЗВЕСТИЕ О СМЕРТИ ОТЦА ФЛИННА». Теперь в персонализацию, кроме обозначений по линии паралича и дружбы, добавляется линия профессиональной деятельности: священнослужитель (his third stroke + paralysis/ Father Flynn/ old friend).

Следующей повествовательной категорией является «событие-сон», в которой мальчику видится лицо умершего друга. В ней выделяются элементы: the heavy gray face of the paralytic (отстранение от реального лица, подчеркиваемое определенным артиклем, усиливает эффект загадки смерти для столкнувшегося с ним мальчика) и his sin (возможная связь с his soul из «сцены»). С обозначением his soul (паралитик) пересекается my soul (рассказчик): I felt my soul receding into some pleasant and vicious region; and there again I found it waiting for me [10: 9]. Связь с параличом устанавливается шестикратной заменой his face на личное местоимение it – подобный прием уже использовался при описании паралича в категории «основание». Обобщая три повествовательные категории, приводим персонализацию к виду: paralytic/ his third stroke/ - Father Flynn/ his sin – old friend/ his soul.

В следующем «событии», когда мальчик отправляется к дому священника, но так и не осмеливается в него войти, в номинативную цепочку входит объявление о смерти священника: The Rev. James Flynn (formerly of S. Catherine's Church, Meath Street) aged sixty-five years. Происходит уточнение предшествующей персонализации: paralytic's third stroke, 65/ the Rev. James Flynn, his sin/ old friend, his soul. В «событии» вводится целый ряд переименований, основанных на воспоминаниях рассказчика. Среди них выделяются: his stupefied doze (разрушительная работа паралича), his armchair (человек прикован к креслу), his ancient priestly garments (упоминание о бывшей профессии), his black snuff-box, his hands, his large trembling hand, his nose и his fingers (обязательный подарок мальчика больному другу, для которого вдыхание табака осталось последним удовольствием). Выделяется такая деталь, как рука: попытка шевельнуть рукой, просыпание табака, дрожание рук. Элемент his large trembling hand пересекается с элементом из сна – his heavy gray face. Если прилагательное large скорее указывает на состояние тела как расплывающейся массы (синоним massive, который появится в следующем фрагменте), то прилагательное heavy выводит на один из его словарных синонимов burdensome (causing mental as well as physical strain).

В категории «оценка события» впервые вводится элемент his death, который носит обобщающий характер: мучения расплывающейся массы паралика прекращены со смертью; сомнения (burdensome, sin) способствовали разрушению; мальчик лишился друга-наставника. Хотя в тексте, входящем в «оценку», много повторов личного местоимения he, особую значимость имеют обозначения персонажа с помощью притяжательного местоимения his: his questions (пересечение с his words), his head, his big discolored teeth, his tongue и his lower lip (натуралистическое описание паралича в действии). В «оценке» Джойс прибегает к «отстраненной» номинации, о которой уже шла речь в связи с категорией «основание». Элементы his duties of the priest и his death пересекаются с his sin, замыкая круг «греховности» профессиональной неудачи.

В «оценке» начинается процесс взаимопроникновения элементов цепи в трех заданных направлениях. Паралич священника вызван пока еще неизвестным событием, оказавшим на него разрушительное действие. Тайный грех (в терминологии священника) лишил его душу покоя, и этот грех связан с исполнением церковных обязанностей. Паралич, лишивший священника возможности начать жизнь по-новому, воспринимается мальчиком, ставшим свидетелем внутренней борьбы друга, как смерть.

Третья попытка увидеть работу паралича (предшествующие события «сон» и «отказ от намерения постучать в дверь») оказывается успешной. В третьем «событии» есть и новые, и повторяющиеся элементы. Впервые священник называется как «старый священник», смерть человека подчеркивается лексемами black cavernous nostrils, circled by a scanty white fur. Профессиональная персонализация священника завершается: the Rev. James Flynn/ the old priest. Устанавливается связь между персонализующими элементами в «событии-сне» и в «событии – посещении» (heavy gray face/ his face... truculent, gray and massive). Повторяющийся элемент his large hands выводит на недостающее звено в понимании духовного разлада священника – слово потир (chalice). Мальчик замечает, что в руки священника, которые во время болезни рассыпали нюхательный табак, вложен потир, атрибут католического богослужения.

В «оценке» события - посещения выясняется причина внутренней борьбы священника – сломанный во время отправления службы потир, воспоминание о котором тревожило священника при жизни, вложен в его руки целым, чтобы дать покой в ином мире. Здесь вводится еще один обобщающий элемент, являющийся гиперонимом по отношению к остальным: a disappointed man. Важным является также упоминание о душе священника, упоминание о которой связано с такими элементами, как his mind, his

soul, his breviary, his confession box. Исповедальней для покойного стала душа мальчика – человека, которому он явился во сне для отпущения греха.

Подытожив выявленные элементы, персонализацию священника представим так:

- 1) парализованный (paralytic) разочарованный человек, пытающийся выяснить причину своей неспособности выполнить профессиональный долг;
- 2) старый священник, душа которого пришла в смятение после случайно разбитого потира; замкнувшись в поисках правды (his confession box, his breviary, his sin, his mind, his soul), старик довел себя до саморазрушения;
- 3) жизнь священника теплится благодаря дружбе с мальчиком, который общается с ним (his armchair – my usual chair, his soul – my soul), заботясь о больном друге. Еще один элемент извлекается из заголовка рассказа: священник – брат няни мальчика и ее сестры. Таким образом, священник, брат, друг – все человеческие ипостаси приходят в парализованное состояние, когда душа обуреваема вечным поиском смысла жизни.

В чем же особенность ядерной перспективы рассказа, раскрываемой через персонализацию? На наш взгляд, в неразрывном следовании циклическим событиям с элементами оценки, в сквозной разработке персонализующих деталей, в пересечении цепочек разных персонажей, в отборе тематически значимых понятий, в дополнительных возможностях отстраненной номинации, когда определенный артикль одновременно и обобщает ситуацию, и выявляет ее специфичность.

Джойс ведет персонализацию одновременно в нескольких направлениях. Обращают на себя внимание сквозные элементы – лицо, рука, табакерка и исповедальня (box), потир, улыбка. Сквозные элементы могут различаться притяжательным местоимением (my head – his head, my soul – his soul, my usual chair – his armchair). Наконец, имеет место скрытая синонимика: heavy = massive, idle = heavy, solemn = soft, ср.: solemn and truculent in death, an idle chalice on his breast, I had thought his words idle, I said softly to myself the word paralysis, laughing-like softly to himself. Рассказчик впервые в жизни встречается с разрушительной работой паралича, который он наблюдает со стороны. В описании паралика в статус текстового концепта возводится ключевое понятие цикла «паралич», которым Джойс называет афазию разных сфер жизни городского механизма. Самосознание мальчика пытается проникнуть в тайну разрушения. Он делает для себя вывод, что омертвление лишает лицо такого человеческого проявления, как улыбка. Более того, лицо утяжеляется, отчуждается. На сером безжизненном фоне лица умершего чернеют обрамленные белым пушком ноздри. Художественное представление паралича в черно-бело-серой перспективе подготовлено серым лицом из сна, а также почерневшим от табака красным платком и черной табакеркой – неизменными атрибутами прикованного к креслу паралика.

Парализованная расплывающаяся масса, будь то город или человек, с трудом координирует действия. Священник рассыпает табак, его крупные, но дрожащие руки, упустившие потир, бессильны. Духовное разрушение усугубляется физической немощью. Перечисленные детали, вместе с тем, скорее описывают не конкретного человека, а проявления парализованной души. В общечеловеческом смысле образ священника тесно переплетается с образом его друга, рассказчика: The youngster and he were great friends. The old chap taught him a great deal, mind you; and they say he had a great wish for him [10: 8]. Но священник так и не решается открыться мальчику. Ребенок интуитивно чувствует, что нечто мучает паралика. Хотя грех не называется, мальчик готов снять его с друга. Но оказывается, что священник не нуждается в этом: он освобождается смертью от бремени мирских проблем. И только отсутствие улыбки на омертвевшем лице свидетельствует о цене умиротворения. Мальчик покидает свой обычный стул (my usual chair), чтобы с багажом приобретенного опыта самостоятельно познать, в чем причина человеческих тревог и раздумий.

5. ВЫВОДЫ

Итак, стратегический подход к интерпретации художественного текста формирует дискурсную компетенцию, которая обеспечивает трехэтапную учебную обработку художественного текста: 1) реконструкцию содержания текста в категориях суперструктурной схемы; 2) выведение ядерной интерпретационной перспективы; 3) интерпретацию избранной перспективы в соответствии с познавательными и мотивационными потребностями, активизированными в ходе первых двух этапов. Персонализация входит в перспективу как парадигматическая структура, обобщающая переименования персонажей на макроструктурном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юровский В.Ю. Интерпретация как составная часть стилистического исследования художественного произведения // Русская филология. Украинский вестник. - №3(19). – Харьков, 2001. – С. 47-50.

2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1981. – 301с.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192с.
4. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001.. – 520с.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.- 312с.
6. Carter R. Linguistic models, language, and literariness: study strategies in the teaching of literature to foreign students // Literature and language teaching. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – P. 110-132.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000. – 356с.
8. Николаева Т.М. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 27-57.
9. Siklaki I. Story grammars as models for story processing // Papiere zur Textlinguistik. – Bd. 49. – Hamburg: Buske, 1985. – P. 219-249.
10. Joyce J. The sisters // Dubliners. – L.: Penguin, 1996. – P. 7-17.